

Не обращая на него внимания, я проводила его взглядом, чувствуя, как внутри не утихает тревога. Подождав какое-то время в передней зале и не дождавшись возвращения Лин Мухань, я решила прогуляться до беседки. Едва я добралась туда, как начался мелкий дождь. Закрыв глаза, я вдыхала влажный воздух, пытаясь успокоиться. Однако моё настроение было таким же мрачным, как и погода.

Глядя на пруд с лотосами, я вспомнила стихотворение:

*

Изумрудные лотосы растут в тихом источнике,

Их красота ярка и свежа.

Осенние цветы поднимаются из зелёной воды,

Густые листья окутаны голубоватым туманом.

Их изысканная красота не имеет себе равных,

Но кому передать их аромат?

Сидя, наблюдаю, как иней покрывает их,

Губя эти красные цветы.

Их корни не нашли своего места,

Но они надеются укорениться у края прекрасного пруда.

*

Это стихотворение Ли Бай написал в возрасте сорока с лишним лет, когда, возможно, его виски уже начали сесть, и он размышлял о жизни. В этих строках он сравнивает себя с лотосом, выражая свои высокие помыслы и надежду на признание императора. Почему же в древности мне не встретился человек, столь преданный своей стране?

— Цинэр, что ты здесь делаешь? — позади раздался знакомый голос.

Обернувшись, я увидела Лин Мухань в её красном наряде, который в сочетании с её изысканными чертами лица делал её невероятно привлекательной. Я подошла и обняла её:

— Когда ты вернулась?

— Только что, — мягко ответила она, обнимая меня в ответ. — Не нашла тебя, собиралась уже возвращаться в комнату.

Я нахмурилась, почувствовав, что её одежда слегка влажная:

— Ты промокла, давай вернёмся, обсудим всё потом.

— Хорошо.

В комнате.

— После этого дождя погода станет холоднее, — сказала я, помогая ей снять одежду.

— Цинэр, ты так торопишься раздеть меня? — с улыбкой поддразнила Лин Мухань.

На этот раз я сохраняла спокойствие, не теряя самообладания. Сделав вид, что не замечаю её шуточки, я продолжила:

— Я просто боюсь, что ты простудишься.

Она взяла мою руку, и я с удивлением посмотрела на неё.

— Не беспокойся, я здорова.

Я высвободила руку и продолжила расстёгивать последнюю пуговицу, снимая с неё одежду:

— Если ты заболеешь, я буду переживать, так что лучше перестраховаться.

Лин Мухань смотрела на меня с теплотой, и в глубине души я почувствовала приятное тепло.

Она лукаво улыбнулась:

— Цинэр, а что насчёт нижнего белья? Может, его тоже сменить?

— Что? — Я поняла, что она снова пытается соблуднить меня, и быстро схватила её руку, чтобы она не начала раздеваться. Шуточки в сторону, если она снимет ещё одну вещь, останется только корсет! — Принцесса, нет необходимости. Верхняя одежда просто влажная, нижняя сухая. Ложись в постель, ты, наверное, устала.

Но Лин Мухань не сдавалась:

— Но мне некомфортно. Что делать?

— Э-э... Тогда потерпи немного, пока дождь не закончится, а потом помоешься, — сказала я, опустив глаза и пытаясь подтолкнуть её к кровати, но она не двигалась, и я не решалась применить силу.

Она просто стояла в своём белом нижнем белье, улыбаясь и не говоря ни слова. Я стиснула зубы:

— Ты будешь двигаться или нет?

Но она продолжала молчать. В итоге я взяла её на руки и отнесла на кровать, укрыв одеялом:

— Ты совсем не боишься простудиться!

— Не беспокойся, у меня есть ты.

— Э-э...

— Принцесса, можешь ли ты убрать руку?

— Мне так удобно.

— Но мне неудобно.

— ...

Она сделала обиженное лицо.

— Ладно, пусть будет так, — сдалась я, глядя на Лин Мухань, которая крепко держалась за мою одежду. Я ведь никуда не собираюсь уходить, зачем так цепляться? Но вдруг я заметила, как её капризная сторона может быть невероятно обаятельной.

— Цинэр.

— Да, что случилось? — Я посмотрела в её большие глаза, чёрные зрачки которых казались бездонными.

Лин Мухань мягко напомнила:

— Кажется, дождь закончился.

— О, хорошо, — я встала с кровати и позвала слуг, чтобы они приготовили горячую воду.

Через некоторое время слуги наполнили ванну горячей водой. Я проверила температуру и, убедившись, что всё в порядке, отпустила их:

— Принцесса, всё готово, можешь идти мыться.

Но она продолжала лежать на кровати, не двигаясь, просто смотря на меня. Я нервно дёрнула уголком рта: что с ней сегодня? Подойдя к кровати, я взяла её на руки и отнесла к ванне, помогая снять одежду. Когда остались только красный корсет и нижнее бельё, я почувствовала её аромат и, смутившись, отвернулась:

— Кхм, принцесса, оставшуюся одежду снимите сами.

— Хе-хе, Цинэр, ты ведь не впервые видишь меня, почему стесняешься? К тому же, в тот вечер, когда ты напилась, это я тебя мыла, — в её голосе звучала явная насмешка.

Я резко обернулась:

— Что?! Ты меня мыла той ночью...

Я почувствовала, как лицо загорается от стыда. Неужели я так опозорилась той ночью?!

— Цинэр, мне холодно, — напомнила Лин Мухань.

Понимая, что отступить некуда, я закрыла глаза и помогла ей снять оставшуюся одежду:

— Всё, принцесса, иди в ванну.

— ...

— Принцесса? — Я с закрытыми глазами удивилась, почему она не отвечает.

Открыв глаза, я увидела, что она уже сидит в воде, улыбаясь мне. Я с досадой пробормотала:

— Ну и что же! Вошла и не сказала.

— Хе-хе, Цинэр, подойди сюда, — Лин Мухань протянула свою изящную руку.

Я медленно подошла, и она соблазнительно прошептала:

— Цинэр, хочешь узнать, что произошло той ночью, когда ты напилась?

Конечно, я хотела знать, просто не могла вспомнить. Я энергично кивнула.

Лин Мухань кокетливо улыбнулась, схватила меня за воротник и опрокинула в ванну.

— Пфф, кхм!

Вода попала мне в нос.

— Кхм, что ты делаешь? — Я с невинным видом посмотрела на Лин Мухань, вся моя одежда промокла.

Я попыталась встать, но она снова потянула меня вниз. В большой ванне двум людям стало тесновато. Лин Мухань распустила свои чёрные волосы, и капли воды стекали по её лицу, вероятно, от брызг.

— «Какая ты красивая», — невольно вырвалось у меня.

Услышав это, Лин Мухань улыбнулась ещё шире. Она приблизилась ко мне и тихо сказала:

— То, что я делаю сейчас, — это то, что ты делала той ночью.

— Что?

Не успела я удивиться, как она поцеловала меня. Я широко раскрыла глаза: вот это месь!

— Учитель, я вернулся!

Мальчик стоял с каплями пота на лбу.

Лэн Яньфэн, сидя в медитации, открыл глаза и посмотрел на ребёнка, лицо которого выражало не по-детски серьёзное выражение.

— Садись.

Хань Цзымин послушно сел напротив. Лэн Яньфэн погладил бороду:

— Помнишь ли ты мантру, которой я тебя учил?

— Помню!

Лэн Яньфэн начал направлять его:

— Повторяй мантру, сосредоточься и проведи энергию по всему телу.

Он смотрел на юное лицо:

— Минь, помни мои слова: «Слова не должны быть многочисленными, главное — чтобы они были полезны. Дела не должны быть запутанными, главное — чтобы они были сосредоточены. Много людей — не всегда хорошо, много дел — не всегда плохо. Препятствия в сердце — это препятствия в жизни. Препятствия создаются самим сердцем. Если нет гордости, всё проявляется естественно. Если нет страха потерять, можно сохранять спокойствие. Способ избавиться от гнева — это благодарность. Лекарство от недовольства — это сочувствие. Делать всё с душой — это значит быть искренним. Относиться к каждому с добротой — это значит

следовать пути».

Произнеся это, он почувствовал, как энергия ребёнка стала спокойнее, и удовлетворённо кивнул. В тот день он почувствовал в этом ребёнке не только жажду убийства, но и глубокую обиду. Он действительно не хотел, чтобы этот ребёнок пошёл по неверному пути, и надеялся, что тот его не разочарует.

— Апчхи!

Я высморкалась. Эх, Лин Мухань так разыгралась, что сама осталась в порядке, а я простудилась. С тяжёлой головой я вошла в зал.

— Министр.

Я подняла голову и увидела мужчину в доспехах. Это был Чжань Фэй:

— Генерал Чжань, как вы вернулись?

— В последнее время государство Чэнь часто нарушает наши границы, я вернулся, чтобы просить разрешения на войну.

— А, вот оно что! — Я наконец поняла.

<http://bllate.org/book/15454/1367289>